

А.В. Пилюк

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСИЯ ПРОКУРОРА И ПОТЕРПЕВШЕГО
НА ПРИМЕНЕНИЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА,
РЕГЛАМЕНТИРОВАННОГО гл. 40 УПК РФ**

Рассматриваются проблемы, возникающие при применении института особого порядка разрешения уголовных дел и анализируется необходимость обязательности согласия прокурора и потерпевшего на применение упрощенного способа разрешения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурор, потерпевший, уголовный процесс, особый порядок разрешения уголовного дела, упрощенные способы разрешения уголовных дел.

Как установлено ч. 1 ст. 314 УПК РФ, для рассмотрения уголовного дела в особом порядке необходимо согласие прокурора и потерпевшего на применение такой процедуры, в противном случае суд обязан перейти к общему, обычному порядку разрешения уголовного дела.

Вместе с тем законодатель, устанавливая обязательность согласия, ничего не указывает о мотивах потерпевшего и обвинителя, побуждающих их отказываться в использовании упрощенной процедуры судебного разрешения уголовного дела.

В результате изучения уголовных дел, рассмотренных судами Тюменской, Московской области, Краснодарского, Хабаровского края и др. субъектов, установлено, что прокуроры при принятии решения о согласии на рассмотрение дела в особом порядке руководствуются представлениями об общественной опасности преступления (38,7%), данными, характеризующими личность подсудимого (63,4%), 17,6% опрошенных прокуроров мотивом своих решений назвали также оценку судебных перспектив при рассмотрении уголовного дела в общем порядке и доказанность преступления. Не секрет также, что позиция прокурора, участвующего в судебном разбирательстве, в настоящее время во многом формируется под влиянием вышестоящих прокуроров, осознающих опасность окончательного вытеснения общего порядка и тотальной замены его особым и дающих по этому поводу «рекомендации» о том, какой должна быть в соответствующем субъекте федерации доля приговоров, вынесенных в особом порядке.

Потерпевшие в 67,8% случаев отказываются в применении упрощенного порядка из-за невозмещения им причиненного материального вреда, для 57,3% потерпевших мотивом для отказа является также стремление, чтобы подсудимый получил как можно более строгое наказание, то есть потерпевшие полагают, что они дают согласие не на «упрощение порядка судопроизводства», а на применение льготы по наказанию.

При этом большинство опрошенных практических работников – 81,11% судей, 83,83% прокуроров, 81,74% защитников – полагают, что усмотрение потерпевшего по вопросу выбора порядка судопро-

изводства (общего или особого) ограничивать нецелесообразно. По поводу об ограничении усмотрения прокурора по тому же вопросу картина иная: 93,54% опрошенных адвокатов-защитников и 67,66% опрошенных судей считают, что такое усмотрение следует ограничить, в то же время 83,83% прокуроров выступают против такого ограничения. Полагаем, что полученные результаты обусловлены спецификой профессиональной деятельности респондентов, а позиция судей и адвокатов вызвана во многом тем, что прокуроры, участвующие в деле, зачастую не приводят убедительных мотивов своего мнения по поводу выбора порядка производства по делу.

Вначале ответим на принципиальный вопрос: должен ли отказ прокурора и потерпевшего вообще быть мотивированным? Известно, что наличие широкого бесконтрольного усмотрения прокурора характерно, к примеру, для уголовного процесса США, где обвинитель, сообразно со своим мнением, решает, следует ли идти на сделку с обвиняемым, а также определяет, насколько опасно то или иное деяние для общества в целом. В соответствии с УПК РФ право прокурора давать либо не давать свое согласие на рассмотрение дела в особом порядке, если присутствует единственное «объективированное» условие в виде санкции, не превышающей 10 лет лишения свободы, также ничем, кроме его личного усмотрения, не ограничено.

Континентальное, смешанное уголовное судопроизводство, к которому исторически принадлежит российский уголовный процесс, и судопроизводство англо-американского типа различаются как механизмами регулирования, так и степенью урегулированности уголовно-процессуальной деятельности. Для стран континента характерны формально определенные правила, закрепленные в кодифицированных актах, правоприменители же стран англо-американской модели руководствуются помимо норм права еще и судебными прецедентами, и своим пониманием «буквы и духа» закона. В полной мере это относится и к сфере сокращенных форм уголовного судопроизводства, возможность их применения в странах Европы, помимо желания обвиняемого, зависит от тяжести преступления и меры наказания,

которая за его совершение полагается, обстоятельство совершения (очевидность-неочевидность), а также от личности правонарушителя, причем критерии применения той или иной процедуры изложены нормативно. В англо-американском процессе подход иной, помимо малозначительности преступления, которая, будучи закреплена нормативно, сама по себе является основанием для упрощения процедуры (суммарное производство), определяющее значение для «диспозитивного» упрощения процесса по иным категориям дел, вплоть до самых тяжких, имеет позиция обвинителя и обвиняемого, мнение так называемых «сторон судопроизводства».

Вопрос о том, какой способ регулирования более перспективен, представляется риторическим. В литературе встречается мнение о том, что государство должно брать на себя регламентацию наиболее существенного в сфере уголовного судопроизводства, все остальное должно быть делом органов, непосредственно осуществляющих уголовное преследование и правосудие, преимущество такого подхода заключается в создании условий, способствующих гибкой и оперативной корректировке порядка деятельности соответствующих органов [1, с. 16–17].

Представляется, что применение того или иного способа регулирования обуславливается множеством факторов: типовой конструкцией уголовного судопроизводства, состоянием правопорядка, нравственными установками общества и т.д. При наличии развитого гражданского общества, системы общественного контроля за действиями суда и обвинителей путь самостоятельности государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, в принципе, возможен, однако для Российской Федерации предпочтительным представляется путь детальной регламентации судебных процедур. В данном случае российский законодатель применил, как представляется, несвойственный для российского процесса метод регулирования, не определив пределы дискреции потерпевшего и прокурора, что вряд ли оправдано. Декларируя борьбу с коррупцией, логично не расширять, а сужать сферу усмотрения должностных лиц.

В литературе встречаются предложения ограничить усмотрение потерпевшего, к примеру, есть мнение о том, что согласие потерпевшего на применение особого порядка следует оставить лишь по делам тяжким, по иным же категориям дел его предлагается исключить из перечня обязательных для рассмотрения дела в упрощенном порядке условий [2, с. 12]. Другие авторы отстаивают иную точку зрения, указывая, что потерпевший в результате рассмотрения уголовного дела в особом порядке лишается права на доступ к правосудию и наличие его согласия следует оставить в УПК РФ [3, с. 51].

Представляется, речь следует вести не о наличии дискреции (усмотрения) как таковой, а об определении ее предела.

Очевидно, что широкий круг вопросов в праве, и в частности в уголовном процессе, решается именно

на основании дискреции. К примеру, суду, разрешая вопрос о возможности освобождения лица от уголовной ответственности и о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим на основании ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, как указано в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями), «надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Принимая решение, необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия» [4]. Кстати, теми же критериями должен руководствоваться, как представляется, и обвинитель, принимающий участие в заседании суда, где рассматривается вопрос о примирении. Более того, возможность дискреции предусмотрена даже УК РФ: к примеру, суду, рассматривающему дело по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, предоставлено право самому оценить, является ли неизгладимое телесное повреждение, причиненное гражданину, обезображивающим [5, с. 202]. Вместе с тем дискреция должна быть обоснована, а принимаемое в ее результате решение – мотивированным. В настоящее же время российский прокурор не обязан мотивировать своего несогласия, руководствуясь зачастую либо нежеланием предоставлять подсудимому льготу, либо указанием вышестоящего прокурора, либо даже просто какими-либо личностными соображениями [6, с. 26].

К примеру, законодатели Италии, по образцу которой были сконструированы упрощенные порядки в РФ, вопрос с дачей согласия прокурора на применение упрощения решают иначе. Согласно ч. 6 ст. 446 УПК Италии, отказ прокурора в применении упрощенной процедуры должен быть мотивирован, обвиняемый при этом может обжаловать его в суд, а судья, согласно ч. 1 ст. 448 УПК Италии, вправе утвердить требуемое обвиняемым наказание в случае «необоснованности» действий прокурора. Кроме того, Решением № 81 /1991 г. Конституционный Суд Италии обязал прокурора мотивировать свое несогласие с ходатайством обвиняемого об ускоренном производстве, а также признал не соответствующим Конституции Италии то, что судья не имеет право признать обоснованным (недостаточно мотивированным) отказ прокурора в даче согласия на ускоренное производство, т.е. отсутствие такого согласия со стороны обвинителя в настоящее время может быть преодолено обвиняемым и судьей, осуществляющим предварительное слушание [7, с. 577].

Представляется, что в УПК РФ необходимо также предусмотреть подобную конструкцию.

К примеру, если два лица, совершившие аналогичные преступления и имеющие сходные социаль-

ные характеристики, хотят признать вину в обмен на снижение наказания, правильно ли удовлетворять ходатайство о применении упрощенного способа разрешения уголовного дела и применять льготу по наказанию только к одному из них? Особый порядок рассмотрения уголовных дел, регламентированный Гл. 40 РФ, не предполагает наличие автоматического согласия всех участников судопроизводства на применение упрощенных способов разрешения уголовного дела, но при этом не содержит и критериев для отказа.

Демократические государства придерживаются принципа равенства прав и обязанностей граждан. Так, ч. 1 ст. 19 Конституции РФ устанавливает, что все равны перед законом и судом. Часть вторая этой же статьи гласит, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Таким образом, законодатель определяет, что исходя из каких-либо иных моментов, не определенных в Конституции РФ, права граждан могут быть ограничены, главное здесь – возможность для суда оценить мотивированность такого несогласия и возможность преодолеть необоснованный отказ.

Аналогичным образом следует разрешить вопрос и с наличием согласия потерпевшего. В подавляющем большинстве суду приходится отказывать в применении упрощенной процедуры просто потому, что у подсудимого не имеется достаточных средств для того, чтобы удовлетворить финансовые запросы потерпевшего, причем последние зачастую требуют даже не возмещения материального ущерба, причиненного в результате преступных действий подсудимого, а своеобразной компенсации «морального ущерба», оцениваемого ими в конкретную сумму, обуславливая получение согласия на применение особого порядка ее выплатой [8, с. 94]. Думается,

данная тенденция, учитывая значительную расколённость современного российского общества, к числу положительных не относится. Лица, наиболее обеспеченные финансово, в современных условиях имеют большие условия для рассмотрения дела в упрощенном порядке и получения «скидки» по наказанию, что едва ли справедливо. По официальным данным Росстата РФ около 17 % населения Российской Федерации, то есть около 23 миллионов человек, имеют доходы ниже прожиточного минимума по стране и их интересы, как правило, представляет адвокат по назначению.

Согласие потерпевшего с применением упрощенных процедур никак не соотносится с отношением лица, привлекаемого к уголовной ответственности, к совершенному им деянию и с наличием достаточных доказательств для признания такого лица виновным. Представляется, обеспечение доступа потерпевшего к правосудию заключается не в том, чтобы он давал или не давал согласие на применение какой-либо процедуры, в данном случае упрощенной, а в том, чтобы он имел возможность реально отстаивать свои права. Как определено правовой позицией Европейского суда по правам человека, в том случае, когда потерпевшим поднимается лишь вопрос о тяжести наказания, отказ в доступе его к участию в правосудии по уголовному делу не противоречит ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то есть потерпевший не имеет права на «частную месть» [9, с. 26]. В настоящее время как и при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, в особом порядке потерпевший вправе выступить в прениях, изложить свое мнение по мере наказания, по квалификации, поддержать гражданский иск и т.д. Таким образом, суд должен быть наделен правом преодолеть и отказ потерпевшего в применении сокращенной процедуры, если такой отказ не вызван какими-либо значимыми обстоятельствами (к примеру, мотивированным несогласием с квалификацией преступления), требующими полного исследования доказательств, а подсудимый настаивает на разрешении уголовного дела в особом порядке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало-М, 2001. 480 с.
2. Конин В.В. Оптимизировать институт особого порядка судебного разбирательства – требование времени // Мировой судья. 2008. № 2. С. 10–14.
3. Чашин А.Н. Судебное производство в уголовном процессе. М.: Дело и сервис, 2014. 240 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарии / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. СПб., 2007. 720 с.
6. Воронин О.В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 24–33.
7. Pisani M. La celerite dans la procedure penale italienne // Revue internationale de droit penal. 1995. V. 66. No. 3–4. P. 576–582.
8. Калугин А.Г., Мониц М.В. Компромисс в уголовном судопроизводстве. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008. 120 с.
9. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Михова (Mihova) против Италии» от 30 марта 2010 г. (жалоба № 25000/07) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2010. № 9. С. 26–27.

ON THE MANDATORY CONSENT OF THE PROSECUTOR AND THE VICTIM TO USE A SPECIAL PROCEDURE FOR RESOLUTION OF THE CRIMINAL CASE UNDER CH. 40 OF THE RUSSIAN FEDERATION CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

Russian Journal of Criminal Law, 2015, no. 2(6), pp. 43–46. DOI 10.17223/23088451/6/8

Piyuk Aleksey V., Megion City Court (Megion, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru

Keywords: prosecutor, victim, criminal proceedings, special procedure for resolution of the criminal case, simplified ways of resolving criminal cases.

The article deals with the problems arising from the application of a special procedure for the resolution of criminal cases and analyses the need for mandatory consent of the prosecutor and the victim to use a simplified method of resolving the criminal case.

As is set in Part 1 Art. 314 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, to consider the criminal case according to the procedure described in Ch. 40 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure under special circumstances, it is necessary to get the prosecutor's and the victim's consent, otherwise the court is obliged to go to the general, usual procedure of the resolution of the criminal case.

However, prescribing the mandatory character of the consent, the legislator says nothing about the motives of the victim and the prosecutor that encourage them to deny the use of the simplified procedure of judicial resolution of the criminal case.

The study of criminal cases tried by the courts of Tyumen and Moscow Regions, Krasnodar and Khabarovsk Territories and other subjects, it was established in deciding whether to give a consent to the special procedure, prosecutors were guided by their idea of social danger of the crime (38.7%), data representing the personality of the defendant (63.4%). 17.6% of the respondents motivated their decision by the assessment of judicial prospects in the criminal proceedings according to the general procedure and the proof of the crime. It is no secret that the position of the prosecutor, who participates in the case, in many respects, is shaped by supervising prosecutors, who, being aware of possible substitution of the general procedure by the special one, give "recommendations" of what the share of sentences passed according to the special procedure should be in the corresponding subject of the federation.

The victims in 67.8% cases do not agree to the simplified procedure because of unpaid compensation for material damage caused. The motive for 57.3% victims to refuse from the special procedure is also the commitment for the defendant to get the most severe punishment, i.e. victims assume that they agree to the mitigated punishment rather than to "the simplified procedure". The majority of the surveyed practitioners, namely 81.11% judges, 83.83% prosecutors, 81.74% defenders – believe that it is not reasonable to restrict the victim's participation in the choice of legal procedure (general or special). The situation is different concerning the participation of the prosecutor in this choice: 93.54% of defenders and 67.66% of judges believe that the participation of the prosecutor should be limited, while 83.83% of prosecutors are against such restrictions. We believe that these results can be explained by the specificity of the respondents' professional activity, while the position of judges and defenders is caused largely by the fact that the prosecutors involved in the case often fail to provide convincing reasons for the choice of the procedure type.

REFERENCES

1. Gutsenko, K.F., Golovko, L.V. & Filimonov, B.A. (2001) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal proceedings in Western states]. Moscow: Zertsalo-M.
2. Konin, V.V. (2008) Optimizirovat' institut osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva – trebovanie vremeni [Optimization of the special procedure for trial is required by time]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 2. pp. 10-14.
3. Chashin, A.N. (2014) *Sudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse* [Court proceedings in the criminal process]. Moscow: Delo i servis.
4. Russian Federation. (2010) *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [RF Supreme Court Bulletin]. 9.
5. Radchenko, V.I. & Mikhlin, A.S. (eds) (2007) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Kommentarii* [The Criminal Code of the Russian Federation. Comments]. St. Petersburg.
6. Voronin, O.V. (2013) Criminal prosecution at different stages and in all procedures of domestic criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1(7). pp. 24-33. (In Russian).
7. Pisani, M. (1995) La celerite dans la procedure penale italienne. *Revue internationale de droit penal*. 66(3-4). pp. 576-582.
8. Kalugin, A.G. & Monid, M.V. (2008) *Kompromiss v ugolovnom sudoproizvodstve* [Compromise in criminal proceedings]. Krasnoyarsk: Russian Interior Ministry.
9. European Court of Human Rights. (2010) Mihova against Italy. March 30, 2010. (Complaint № 25000/07). *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*. 9. pp. 26-27. (In Russian).